

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор, независимый
исследователь
(Дербент, Российская Федерация)
savtar@sampo.ru

ЛИЦО, НАКЛОНЕНИЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ВЗАИМНО СООТНЕСЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ

А н н о т а ц и я . Исследуется проблема межкатегориальных отношений в языках разных систем на материале трех фундаментальных грамматических категорий – лица, наклонения и синтаксического типа предложения. Устанавливается, что эти категории генетически и функционально тесно связаны между собой и связь эта является односторонне направленной по схеме *лицо – наклонение – тип предложения*. Аргументированно показывается роль категории лица в становлении и употреблении наклонений, а категорий лица и наклонения – в становлении и употреблении типологии предложений в разных языках в соответствии с их исторически сложившимися системными различиями. Выявляются текстообразующие возможности личных форм первого и третьего лица, которые конституируют повествовательный дискурс в отличие от формы второго лица, обозначающего адресата речи и исполнителя чужой воли. На основе сопоставительного функционального анализа форм трех проанализированных категорий демонстрируются существенные различия между флективными индоевропейскими языками (по показаниям русского) и агглютинативными северокавказскими языками (по показаниям дагестанских) в подсистемах личных форм третьего лица и ирреальных наклонений, в том числе и на примере волитива, неизвестного индоевропейским языкам. Полученные результаты могут быть использованы в индоевропеистике, русистике, кавказоведении и контрастной типологии языков. В контексте направлений развития исторического синтаксиса ставится малоисследованная проблема степени лексической и лексико-грамматической детерминированности типов предложения в языках аналитического и синтетического строя. Формулируется мотивированный тезис о связи между типами наклонений и соотнесенных с ними видов предложений с этнопсихологией и этноменталитетом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лицо, наклонение, предложение, зависимость, история, типология, этнопсихология, становление, исследование

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тарланов З. К. Лицо, наклонение и предложение как взаимно соотнесенные языковые категории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 48–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.908

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Статья первоначально планировалась для публикации в научном журнале на Кавказе. Поэтому выдвинутыми на передний план оказались дагестанские языки, хотя логичнее было бы идти от известного всем русского языка к малоизвестным дагестанским языкам. Когда статья была завершена, автор решил опубликовать ее в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета», которые считает одним из лучших университетских журналов в современной России с широким кругом читателей. Композиция сохранена первоначальной: для типологии это не имеет принципиального значения.

Системное изучение языка предполагает, в частности, последовательное исследование его

категорий и форм в их генетических и функциональных взаимосвязях и взаимодействиях. Вместе с тем опыт языкознания на материале разных языков показывает, что интересующие нас системные отношения достаточно подробно и разносторонне изучены во внутрикатегориальном аспекте (отношения падежные, видовые, залоговые, модальные, предикативные и т. д.). В нашем случае речь идет о таких фундаментальных категориях, как категория лица, категория наклонения и категория синтаксического типа предложения. Количество структурных составляющих в каждой из названных категорий разное в разных языках независимо от их происхождения и степени генетического родства между ними. Одна из важнейших проблем при этом состоит

в том, чтобы выяснить, как эти категории соотносятся между собой, каковы зависимости между ними, если они есть; если нет, то каким образом конституируется та высшая единица грамматической категории, которая именуется предложением.

В этом плане одна из задач статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, как предполагаемые межкатегориальные взаимосвязи и взаимодействия складываются в соответствующих языках и насколько они существенны для становления их строя, для обеспечения полноты их функционирования, а также в качестве принципиальных проблем языкознания как науки в целом. При обсуждении и решении проблем, затрагиваемых в статье, используются типологически соотносительные показания индоевропейских, прежде всего русского, и северокавказских (дагестанских) языков.

* * *

Опыт языкознания как науки и практика использования языка подтверждают, что лицо, наклонение и предложение представляют собою исторически и функционально тесно связанные универсальные категории языков флективного и агглютинативного типов. Что касается первой из этих категорий, то невозможно представить себе язык, в котором бы отсутствовали средства, обозначающие лицо, ибо речь в качестве способа реализации языка непременно предполагает как говорящее лицо, которому она принадлежит, так и лицо слушающее, которому она непосредственно или опосредованно адресована. Нет речи без языка, но и язык, чтобы быть самим собой, не может не располагать возможностью его реализации между субъектом и адресатом речи, которые в процессе речи являются поочередно меняющимися местами. Язык и речь неотделимы друг от друга как в историко-генетическом плане, так и в плане социальном, функциональном.

Поскольку наиболее общими специальными средствами выражения лица являются личные местоимения, то «среди знаков любого языка любого типа, какой бы эпохе или области земного шара он ни принадлежал, всегда обнаруживаются “личные местоимения”», – справедливо писал Эмиль Бенвенист [1: 295]. Тот факт, что личные местоимения в разных языках представлены по-разному и в разных проявлениях, включая и так называемые инклюзивы и эксклюзивы, не имеет при этом существенного значения. С точки зрения естественного языка важно то, что они в нем непременно присутствуют, конституируя, с одной стороны, человека в качестве субъекта как такового; субъекта, реально соотнесенного с понятием *быть*, а с другой стороны – субъективности, то есть «способность говорящего представлять себя в качестве субъекта»

[1: 295]. Человеческий язык в прямом смысле слова пронизан иерархически выстраиваемой субъективностью, антропоцентричностью, охватывающей все его уровни [10], но центральное место в этой иерархии все же безусловно занимают именно личные местоимения.

Личными изначально являются взаимно соотнесенные между собой местоимения первого и второго лица типа русских *я* и *ты*. Форма личного местоимения третьего лица исторически утверждается позже, возводясь к объектному дейксису с указательно-отсылочной функцией по его исходной сути. Поэтому таких местоимений в тех языках, в которых они формируются как личные, количественно больше одного, что в принципе исключено для собственно личных местоимений.

Обнаруживаемая в разных языках вариативность местоимений так называемого третьего лица обуславливается, в частности, и тем, что они указывают на объект не отстраненно, не нейтрально, а относительно первого или второго лица, то есть участником речи, а также с учетом такого параметра, как его местоположение в пространстве. Если в этом плане иметь в виду кавказские (северокавказские) языки, то речь идет, например, о местоимениях типа агульских *ме* (объект около первого лица), *ле* (объект около второго лица), *те* (объект вне сфер первого и второго лица, но по прямой, линейной плоскости), *зе* (объект вне сфер первого и второго лица, но в пространстве ниже по уровню), см. подробно [11] и др. Таковы же, кстати, и собственно лезгинские указательно-личные формы *им* (около первого лица), *ам* (около второго лица), *агъам* (в пространстве ниже по уровню), *амIам* (в пространстве по горизонтальной прямой от первого и второго лица) и проч. Аналогичное положение, но по другим основаниям, например по степени удаленности, прослеживается и в индоевропейских языках, ср. русские *этот*, *тот*, *оный* и проч. (см. «Распад старой системы указательных местоимений и формирование личного местоимения 3-го лица» в [8: 64–66]).

Как бы то ни было, в состав личных местоимений входит и так называемое местоимение третьего лица, конституируя, таким образом, вместо исторически первичной двухчленной системы исторически вторичную трехчленную систему личных местоимений. О том, что в языках нового времени местоимение третьего лица действительно является личным местоимением, свидетельствует тот факт, что эксклюзив (ср., например, агульское *чин*) строится с включением первого и третьего лица, но без второго, а инклюзив (ср., например, агульское *хьин*) – с включением первого и второго лица, но без третьего. Если бы исходно указательное местоимение не перешло в разряд личных, тем самым приоб-

рета я новый для него грамматический и функциональный статус, то его взаимодействие с личными местоимениями первого и второго лица для передачи инклюзивного и эксклюзивного значений было бы невозможно.

Для каждого из личных местоимений органичен свой тип дискурса, хотя такого рода функциональная привязка не служит жестким ограничителем для дискурсивного их употребления в целом. Первое и третье лицо конституируют повествовательный дискурс, нарратив, в котором объективируется предмет, объект речи. Со вторым лицом связано исполнение императива, инициируемого говорящим, первым, лицом. Второе лицо – это адресат и исполнитель чужой воли. Поэтому это лицо не может быть инструментом порождения повествования о чем-либо: оно переводит адресованное ему предписание в соответствующее действие.

Говоря другими словами, языковые формы первого и третьего лица, представляющие соответствующие события реально, во времени, соотносительны в первую очередь с изъявительным наклонением, индикативом. Те же формы употребляются и во всех ирреальных наклонениях, число которых не исчерпывается, однако, тремя традиционно выделяемыми [6: 618–625], но варьируется в достаточно широком диапазоне в разных языках [12], однако это совсем другая проблема, производная по своей сути, недостаточно изученная в принципе, особенно по кавказским языкам, и не влияющая на общие принципы порождения текста. Важно иметь в виду в любом случае, что лицо и наклонение как категории, служащие для реализации субъективности и субъективного начала в языке в его соотносительности с реальным временем в абсолютном и относительном выражении, тесно связаны между собой, свидетельствуя тем самым об основаниях системности в строе языка в целом.

Особенность первого лица, кроме того что оно является средством порождения повествовательного текста наряду с третьим лицом и вместе с тем служит исходной точкой императива, адресованного второму лицу, состоит и в том, что структурно только на нем строится совершенно особенное наклонение, обнаруживаемое в ряде языков, которое условно можно назвать волитивом.

Волитив применительно к первому лицу – это своеобразный антиимператив, ответная реакция на императив. Так как императив адресуется второму лицу, то волитив – это ответная реакция, выражение воли лица, не подчиняющегося императиву, это тем самым воля лица, по норме диалога ставшего субъектом речи, отказывающимся от выполнения императива.

Антиимперативный характер волитива проявляется и в том, что оно противоположно по своему содержанию тому, что предписывается императивом. Поэтому если императив оформлен в положительной форме, то волитивная форма – только отрицательная, и наоборот, ср.: агульские *ликI!* «пиши!» – *даликIe!* «не напишу!»; где *да-* – отрицательная частица, *-e* – аффикс волитива; *маликIe!* «не пиши!» – *ликIe!* «напишу!». Ср. аналогичные примеры из лезгинского языка: *ая!* «делай!» – *тийин!* «не сделаю!»; *ийимир!* «не делай!» – *ийин!* «сделаю!»; это такое значение, которое существенно отличается по своей модальности от отрицательной реплики *ийидач* «не сделаю» в лезгинском языке. Отдельного сопоставительного рассмотрения требует и то, как в агульском языке, подобно аналогичным случаям в других языках, взаимодействуют с волитивом два разных отрицания соответственно с суффиксами *да-* и *ма-*.

В собственно лезгинском языке в отличие от агульского волитивными формами системность утрачена. Поэтому от многих глаголов такие формы уже не образуются. При этом характерно, что глагол, в принципе лишенный изменяемости по лицам, соединяясь с соответствующей формой лица местоимения, конституирует синтаксическое наклонение с полной парадигмой.

Волитивные формы строятся, таким образом, и на базе второго и третьего лица, выражая при этом невозможность, но это переносное значение волитива, реализуемое, как говорилось, в сочетании с отрицанием: *ДаликIe вун!* (второе лицо) «невозможно, чтобы ты написал! Не написать тебе!», *даликIe ту!* (третье лицо) «невозможно, чтобы он написал! Не написать ему!». Переходность / непереходность глаголов не сказывается на образовании волитива.

Приведенные примеры неопровержимо доказывают системный характер связей между категориями лица и наклонения, которые в разных языках проявляются по-разному и в разной степени дробно. Это чрезвычайно важно, в частности, для кавказских языков с их разветвленными подсистемами личных местоимений и наклонений. К сожалению, и та, и другая подсистемы почти не исследованы в большинстве этих языков даже в первом приближении. Такое положение в значительной степени объясняется господствовавшими и все еще продолжающими господствовать в кавказоведении методологическими пороками исследовательской практики, замкнутыми преимущественно на разрозненных атомарных подходах к фактическому языковому материалу. Чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться, например, на то, как рассматривается материал по глагольным наклонениям в разных языках в монографии «Глагол» [5: 84–94] одного из признанных

кавказоведов – академика И. И. Мещанинова, в которой те или иные произвольно характеризующие особенности функционирования наклонений в качестве средств выражения модальности иллюстрируются примерами из селькупского, алеутского, ненецкого, кабардинского, адыгейского и других языков с совершенно разными грамматическими системами. Подобного рода иллюстрации с незначительными комментариями лишены, однако, общего основания и поэтому едва ли ведут к осмыслению не только строя соответствующих отдельных языков, но и наклонения как грамматической категории в целом.

Связь между личными местоимениями и наклонением сказывается и в том, что глагольное личное спряжение восходит, как известно и как это доказано на материале индоевропейских языков, к изоморфно употреблявшимся личным местоимениям, слившимся с глагольными основами в качестве окончаний. Поэтому категория лица глагола исторически вторична по отношению к категории лица местоимений, от которой она является производной. Агглютинация глаголов и личных местоимений еще в древнейшую пору привела к тому, что в индоевропейских языках сложились противостоящие друг другу классы *личных* и *неличных* глаголов. Позже, на следующей стадии, на базе *личных* глаголов складываются глаголы *безличные* со своими специфическими функционально-выразительными возможностями. Как исторически мотивированное образование личных глаголов, так и исторически же мотивированная трансформация некоторых подгрупп личных глаголов в безличные – это закономерный процесс в развитии глагольной категории лица и глагольной подсистемы во флективных языках в целом. Этот процесс, нередко тенденциозно и антиисторично трактуемый отдельными представителями европейской науки [2: 33–76], четко прослеживается на материале, в частности, русского языка [9: 80–108].

Важную роль в грамматической системе русского глагола сыграло еще одно местоимение, близкое к личным, – это возвратное энклитическое местоимение *ся*, к XV столетию трансформировавшееся в русском языке в аффикс страдательного залога *-ся(-сь)*, тем самым конституируя залог и формально в качестве отдельной морфологической категории.

Значения лица и наклонения, как все значимости языковых фактов, реализуются в соответствующих *высказываниях, выстраиваемых по тому или другому синтаксическому типу предложения*. Обычно с древнейших времен принято выделять три типа предложения по цели, соотнесенные с наклонениями и важнейшими двумя модальностями – *приказом* и *вопросом*:

повествовательный тип, повелительный (побудительный) тип и вопросительный тип [3: 325].

Указанные три типа предложений по наклонениям и модальностям, будучи слишком общими, а потому универсальными, не перекрывают, однако, обнаруживаемое в разных языках разнообразие их функционально-структурных видов, в том числе по наклонениям и модальности, к которым относятся, например, номинативный (именной) подтип предложения, в русской научной традиции называемый *назывным*; номинативный подтип предложения в противоположении эргативному; односоставные и двусоставные предложения в русской научной традиции; односоставные определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные предложения в русском языке; инфинитивные предложения, безличные предложения, синтаксически не членные предложения, эмфатические предложения и др. Все эти и аналогичные разновидности простого предложения складываются исторически в разное время для разных языков и выделяются по принципу лексико-морфологического оформления их структурного ядра (главных членов), которое может быть одночленным, одноядерным (с одним главным членом, например русские инфинитивные, безличные, номинативные предложения), двухчленным, двухъядерным (двусоставные предложения) и нечленным.

Предложения же, образуемые в дагестанских языках на базе волитива, отличаются от всех названных и других аналогичных по целому ряду существенных признаков: 1) субъектом действия в них может быть любое из трех лиц, хотя наиболее органичным и частым предстает первое лицо; 2) они эмоциональны в силу своей яркой модальности; 3) образуясь на базе первого лица, они являются исключительно волитивными; на базе же второго и третьего лица они реализуют модальное значение невозможности или долженствования в зависимости от того, положительной или отрицательной формой представлена соответствующая глагольная форма, выполняющая роль предиката, ср.: агульские *Даркья зун!* (первое лицо) «не сделаю!», *даркья вун!* (второе лицо) «не сделаешь, не сможешь сделать ни в коем случае! Не сделать тебе!», *даркья ти* (третье лицо) «не сделает, не сможет сделать ни в коем случае! Не сделать ему!». Адекватно передать значения приведенных конструкций на языках, в которых нет волитива, невозможно. Но уловить общий их смысл по предложенным примерам все же можно; 4) по своему строю они представляют собой эмфатические конструкции, потому по норме малообъемны. По семантике они предстают и как «аффективные», если пользоваться терминологией И. И. Мещанинова применительно к се-

верокавказским языкам. Однако в перечне типов предложений, выделяемых ученым, в числе которых без объяснений названы «аффективные», «посессивные», «локативные», «эргативные» и «безобъектные» [4: 214], такие конструкции отсутствуют, поскольку, согласно И. И. Мещанинову, тип предложения конституируется группой соответствующих глаголов, получающих свою тематическую семантику от предложения же [4: 214–215]. Следовательно, как считает исследователь, тематическая группа глаголов, выступающих предикатами, и тип предложения соотносительны. Подобная постановка проблемы вызывает, однако, много вопросов, но дело в том, что от такого рода конструкций, строящихся на ограниченных подгруппах лексики, волитивные предложения далеки по многим параметрам. Прежде всего по параметру лексической свободы их строя.

Тип предложения в синхронии и диахронии в той или иной степени всегда мотивирован лексико-грамматически. В предложении складывается и сохраняется лишь то, что является результатом направленного исторического движения в лексике и морфологии, начиная от значений слов и заканчивая грамматическими формами и категориями, включая также и слово-, формообразующие частицы. О роли отрицательных частиц в истории русского безличного предложения см., например, [7]. Об этом неопровержимо свидетельствуют многочисленные, хотя и разрозненные, исследования прежде всего по истории и современному состоянию индоевропейских языков, которые изучены несравненно полнее и последовательнее других семей и групп языков.

Степень лексико-грамматической мотивированности (обусловленности) типов предложений, которая представляет собой отдельную малоисследованную проблему науки о языке, в разных языках различна. В этом отношении общее правило может быть сформулировано таким образом: лексико-грамматически предложение более свободно и менее обусловлено в аналитических языках, чем в синтетических. Вследствие этого по структуре и возможностям развертывания предложение-высказывание, например, в английском языке свободнее предложения в русском или немецком языке. Еще более лексико-грамматически обусловленным предстает то же пред-

ложение в северокавказских дагестанских языках в силу, в частности, многочисленности в них падежей и наклонений, выполняющих роль своеобразных ограничителей свободы синтаксического развертывания фразы. В то же время предложение в дагестанских языках ближе к аналитическому английскому предложению по нормам препозитивного расположения именных и атрибутивных сочетаний по отношению к предикату.

Предложение-высказывание безусловно имеет прямое отношение к формулированию и выражению мысли. Как мысль, так и предложение-высказывание – это непрерывно меняющиеся и развивающиеся способы и средства обобщения многовекового этнического опыта, этнического мировидения и мировосприятия.

Мысль, ее модальность, открытость, относительная сводимость к иноэтническим культурным, поведенческим, социальным, этическим и прочим ценностям, представляемые синтаксическими конструкциями разных языков, настолько же подобны, насколько сами эти конструкции накладываются друг на друга. Но дело в том, что даже простейшие синтаксические конструкции типа *Идет дождь* в разных языках полностью не накладываются друг на друга. О разных типах предложений при этом и речи нет. Едва ли в каком-либо языке существует, например, аналог русского инфинитивного предложения типа *Быть дождю!* или русского же предложения типа *Тошнит*. Аналогично, кстати, и упомянутое выше лезгинское предложение *Тийин!*

Предложение-высказывания со свободным и фиксированным порядком слов отличаются друг от друга не только своими грамматическими формами, подчиняющимися несовпадающим правилам расположения в едином целом, но и содержательно: предложение-высказывание со свободным порядком слов располагает большими возможностями выражения мысли и ее нюансов. Жесткость (обязательность) или мягкость (вариативность) пространственного расположения предиката, способов его выражения в высказывании – это не только характеристика типа синтаксической конструкции как таковой, но и синтаксический ключ к разгадке особенностей этнического менталитета народа – носителя языка, который также является культурно-исторически мотивированным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
3. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 543 с.
4. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л.: Наука, 1975. 351 с.
5. Мещанинов И. И. Глагол. М.: Наука, 1982. 272 с.
6. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.
7. Савельева Л. В. Отрицательно-безличные предложения в истории русского языка. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. 40 с.

8. Савельева Л. В. История русского языка. Основы палеорусистики: Учебник и практикум. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 170 с.
9. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 208 с.
10. Тарланов З. К. Антропоцентризм и асимметрия в развитии типологии русского предложения // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. Серыя 1. 3(5), Лістапад. Гродна, 2000. С. 41–42.*
11. Тарланов З. К. Система личных местоимений в восточнолезгинских языках // Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 733–745.
12. Тарланов З. К. Тенденции в динамике глагольных наклонений в восточнолезгинских языках // Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 762–777.

Поступила в редакцию 22.08.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Zamir K. Tarlanov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Independent Researcher (Derbent, Russian Federation)
savtar@sampo.ru

PERSON, MOOD AND SENTENCE AS MUTUALLY CORRELATED LANGUAGE CATEGORIES

Abstract. The article covers the problem of intercategory relations in languages of different systems based on the material of three fundamental grammatical categories – person, mood and syntactic type of sentence. It is established that these categories are genetically and functionally closely related to each other and this connection is one-way directed according to the *person – mood – type of sentence* scheme. The author provides arguments to demonstrate the role of the category of person in the formation and use of moods and the role of the categories of person and mood in the formation and use of the typology of sentences in different languages in accordance with their historically established systemic differences. The text-forming possibilities of personal forms of the first and third persons are revealed, which constitute a narrative discourse in contrast to the second person denoting the addressee of speech and the executor of someone else's will. Based on a comparative functional analysis of the forms of the three analyzed categories, significant differences between inflectional Indo-European languages (exemplified by Russian) and agglutinative North Caucasian languages (exemplified by Dagestani) in subsystems of personal forms of the third person and unreal moods are demonstrated, including the example of a volitive unknown to Indo-European languages. The results obtained can be used in Indo-European studies, Russian studies, Caucasian studies and contrastive typology of languages. In the context of the directions of historical syntax development, the little-studied problem of the degree of lexical and lexico-grammatical determinacy of sentence types in analytical and synthetic languages is posed. A motivated thesis is formulated about the relationship between the types of moods and the corresponding types of sentences and ethnopsychology or ethnomenality.

Key words: person, mood, sentence, dependence, history, typology, ethnopsychology, formation, research

For citation: Tarlanov, Z. K. Person, mood and sentence as mutually correlated language categories. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):48–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.908

REFERENCES

1. Benveniste, E. About subjectivity in language. *Benvenist E. General linguistics*. (Yu. S. Stepanov, Ed.). Moscow, 1974. 447 p. (In Russ.)
2. Vezhbitskaya, A. Language. Culture. Cognition. Moscow, 1996. 416 p. (In Russ.)
3. Lyons, J. Introduction to theoretical linguistics. Moscow, 1978. 543 p. (In Russ.)
4. Meshchaninov, I. I. Problems of language development. Leningrad, 1975. 351 p. (In Russ.)
5. Meshchaninov, I. I. Verb. Moscow, 1982. 272 p. (In Russ.)
6. Russian grammar. Vol. 1. Moscow, 1980. 784 p. (In Russ.)
7. Savelyeva, L. V. Negative impersonal sentences in the history of the Russian language. Leningrad, 1988. 40 p. (In Russ.)
8. Savelyeva, L. V. History of the Russian language. Fundamentals of paleo Russian studies: Textbook. Moscow, 2019. 170 p. (In Russ.)
9. Tarlanov, Z. K. The formation of the typology of the Russian sentence in its relation to ethnophilosophy. Petrozavodsk, 1999. 208 p. (In Russ.)
10. Tarlanov, Z. K. Anthropocentrism and asymmetry in the development of the typology of the Russian sentence. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. Серыя 1. 3 (5), Лістапад. Гродна, 2000. С. 41–42.* (In Russ.)
11. Tarlanov, Z. K. The system of personal pronouns in the Eastern Lezgian languages. *Tarlanov Z. K. Selected works in linguistics and philology*. Petrozavodsk, 2005. P. 733–745. (In Russ.)
12. Tarlanov, Z. K. Trends in the dynamics of verbal moods in the Eastern Lezgian languages. *Tarlanov Z. K. Selected works in linguistics and philology*. Petrozavodsk, 2005. P. 762–777. (In Russ.)

Received: 22 August 2022; accepted: 31 March 2023